

Глава 36. Последствия. Отдаленные и не очень.

Утро первого учебного дня в Хогвартсе началось с небольшой сенсации. В доставленном к завтраку совами «Ежедневном Пророке» заголовок через всю первую полосу гласил: «Бывший преподаватель Хогвартса устроил дебош!» Небольшое сонное болото, каким являлся мир Волшебной Британии эта новость всколыхнула не хуже брошенной в оное болото фраг-гранаты*. Оказалось, что уволенный из Хогвартса Локхарт отнюдь не успокоился, и решил предпринять собственные поиски бежавшего Блэка. Как видно, поиски эти ожидаемо не увенчались особыми успехами. Так что вчера, уже перед самым закрытием, Гилдерой ворвался в бар «Дырявый котел», и стал громить зал, обвиняя посетителей в том, что они «укрывают беглого Блэка». При этом Гилдерой проявил отнюдь не свойственные ему прежде ловкость и уверенное владение заклинаниями (правда — простейшими). Так что посетители так и не смогли утихомирить его своими силами, а прибывший по вызову наряд понёс потери. Двое авроров получили сотрясение мозга, нанесенное бутылками с огневиски, которые Гилдерой весьма ловко левитировал, а один — подвергся очень сильному проклятью «Обливиэйт», и сейчас врачи Святого Мунго отчаянно борются за его память. Впрочем, прогнозы на состояние пострадавшего были далеки от оптимизма: обливиэйт ему достался более чем качественный.

/*Прим. автора: фраг-граната — противопехотная граната 40-го тысячелетия, крак-граната, соответственно — противотанковая*/

Когда я дочитывал статью и уже подбирался к описанию суда и наказания дебошира, в Большой зал вышла заплаканная Лиза Турпин. Любопытно. Уж не ее ли братишка налетел на Локхартовский «Обливиэйт»?

— ... ничего не говорят... — запинаясь, рассказывала Лиза подругам. — Очень сильное поражение. Может, он там вообще навсегда. И из аврората его уволили. Сказали, что даже если ему вернут память... «для настолько невезучего человека быть аврором — это извращенная разновидность самоубийства».

Точно. Он. Похоже, врачи все-таки вытащили его после встречи с акромантулами, и парень вновь «вернулся к исполнению служебных обязанностей», на свою голову. Я прикинул: достаточно ли я удовлетворен, чтобы убрать Марку Неудачи из ауры не по делу плескающего языком парня, и пришел к выводу, что недостаточно, так что все останется, как было.

Вернувшись к статье, я узнал, что Локхарта приговорили к месяцу Азкабана «за нападение на аврора при исполнении». И это открывало некоторые перспективы. Я внимательно взглянул на Сейлину. Профессор Трогар под моим взглядом вздрогнула. Связываться с ней прямо сейчас я не стал, но, похоже, исполнение некоторых планов удастся несколько ускорить. Так что, как и всегда, когда в руки нежданно приходила нужная карта, я заподозрил, что являюсь объектом подтасовки со стороны сюзерена. Конечно, определить, что именно нужно Кукловоду Тысячи и одного заговора для меня не представлялось возможным. Но вот принять все возможные меры предосторожности — будет проявлением интеллекта и амбиций, которые, если повезет, приведут сюзерена в хорошее настроение, и он запустит относительно мягкий вариант планов.

— Хихикс, — прокомментировала мои размышления Кай.

Между тем, завтрак заканчивался. Дамблдор величественно поднялся со своего трона, и подозвал к себе старосту Гриффиндора. Перси подлетел к директору со всей возможной без применения колдовства скоростью, и, склонившись, выслушал инструкции о текущем моменте. После этого Дамблдор, не теряя величественного выражения бороды, удалился в направлении своего кабинета. Персиваль же Уизли двинулся к нам.

— Поттер. Грейнджер. К директору.

Мы с Миа переглянулись и пожали плечами. Первой парой у нас сегодня стояла трансфигурация вместе с Рейвенкло, и пропускать первое же занятие не очень хотелось. Но... Вызов к директору есть вызов к директору. Так что через весьма недолгое время мы уже стояли у горгульи, закрывающей вход в кабинет.

— Здравствуйте, Эрик, — вежливо обратилась Миа к портрету. — Нас вызвали к директору.

— И вам по здорову, ребята, — Лосснарх погладил рукоять своего топора, поднялся с костяного трона и шагнул за раму портрета, но его голос еще доносился до нас. — Сейчас доложу.

Горгулья, закрывающая вход в директорские святая святых, отодвинулась раньше, чем Эрик успел вернуться... Если, конечно, он вообще собирался возвращаться.

В кабинете Дамблдора мы с некоторым удивлением обнаружили и нашего декана. Заметивший, как мы пораженно переглянулись, Дамблдор улыбнулся.

— Я попросил профессора Биннса подменить сегодня Минерву. Так что трансфигурация у вас будет завтра. Присаживайтесь, дети. У меня есть к вам несколько вопросов.

— Мы слушаем Вас, директор Дамблдор, — усевшись, мы взяли за руки и стали внимательно смотреть на Великого Белого мага.

— Судя по тому, как вы вчера встретили инквизитора, вы с ним уже знакомы, не так ли? — взгляд Дамблдора излучал прямо-таки отеческую доброту.

— Да, господин директор. Отец Себастьян приходил в дом Дурслей, и убедил моих родственников получше относиться ко мне, — мой ответный взгляд можно было намазывать на хлеб: такой благодарностью он полнился. Причем, чувства эти были вполне искренни.

— Вот как... — протянул Дамблдор. — Наверное, тогда он еще не знал, что ты — волшебник...

— Так Дурсли как раз и позвали священника, заподозрив меня в одержимости, — правда и только правда. Не вся. — И отец Себастьян рассказал им, что мои «заскоки» — это от их нехорошего ко мне отношения. А еще он предлагал «предупредить Хогвартс» обо мне, но когда я назвал фамилию — почему-то передумал. Сказал, что «там наверняка и так знают». А Вы правда знали, как ко мне относятся у Дурслей?

— Нет, конечно. Откуда нам было знать... — поспешил откреститься Дамблдор.

— Но Гарри рассказывал, что письмо ему пришло на адрес «Тисовая улица, дом 4, чулан под лестницей». — Любящая всяческую справедливость девочка не могла не схватиться за такой косяк, хотя, возможно, лучше было бы этот момент и «проехать». — Неужели нельзя было сделать вывод, что если взрослые заставляют ребенка жить «в чулане под лестницей» — то в семье что-то не так?!

— Мисс Грейнджер, — взгляд Дамблдора несколько посуровел, — дни отправки писем и встреч с поступающими магглорожденными — тяжелое время для заместителя директора Хогвартса. Боюсь, что Минерва просто подписала созданное заклятьем письмо, не читая его.

Я сжал ладошку Миа, предупреждая ее порыв. Объяснение было... приемлемое, и идти на конфликт с директором было не лучшей идеей. Мда. «приемлемое» объяснение... Если бы я не

читал путеводной книги, где было описано, что Дурсли получили более двух сотен писем, из которых больше половины — в «чулан под лестницей». Их все Макгонагалл тоже «подписала, не читая»?

— Прости меня, Гарри, — Макгонагалл поторопилась смягчить конфликт, взяв ответственность на себя, — я действительно должна была обратить внимание на адрес, и лично появиться у Дурслей. Я этого не сделала. Я виновата перед тобой...

— Ну что Вы, профессор... — «добрый мальчик» и не думает обвинять, — я все понимаю. Хотя мне и жаль, что у Вас не появилось возможности провести меня в волшебный мир... — Дамблдор встрепнулся. Такой поворот ему не слишком понравился. — Хагрид... он, конечно, добрый... Но, думаю, Вы смогли бы более полно и точно ответить на мои вопросы о волшебном мире. А то до сих пор приходится полагаться на рассказы слизеринцев, которые вполне могут быть неполны или же неточны.

Директор расслабился. Такое высказывание пришлось ему по душе.

— Ты думаешь, что твои товарищи могут тебя обманывать? — поинтересовался он, явно рассчитывая на положительный ответ.

— Честно говоря, нет. Но Драко и Дафна — дети, такие же, как и мы, так что некоторых вещей они могут просто не знать. Или же некритично воспринимать рассказы родителей...

Дамблдор кивнул, явно больше своим мыслям, чем моим словам, а потом обратился к Макгонагалл:

— Минерва, ты же не откажешься ответить на вопросы детей?

Декан удивленно посмотрела на директора. Если меня не обманывает эмпатическое восприятие, то Макгонагалл удивлена тем, что директор не раз отказывал уже в кружках подобного рода... и тут — сам предлагает такое? Похоже, что директору нужны не мирные граждане, но революционеры «не ведающие о невозможном». С теми сведениями, что мне удалось собрать о Дамблдоре ранее, данная гипотеза неплохо согласовалась. Хотя считать ее единственно верной — пожалуй, рановато.

— Конечно, — кивнула Макгонагалл. — Подойдите ко мне после уроков, ладно? И мы обо всем договоримся.

— Мы же можем подойти не одни, а вместе с друзьями? — Дамблдор совершенно незаметно для неподготовленного наблюдателя поморщился, но кивнул. Это было несколько странно: кто же в преддверие войны отказывается от возможности распропагандировать детей врага? Мне однозначно нужно больше информации о происходящем.

— А после того, как отец Себастьян посетил дом Дурслей — вы еще встречались? — поинтересовался директор.

— Да, — не увидел смысла скрывать я. — Мы много беседовали. Святой отец — интересный собеседник, у него... необычный взгляд почти на все, и разговоры с ним помогли мне многое понять...

— И, тем не менее, отец Себастьян — инквизитор. Продемонстрированные вами хорошие отношения с ним обеспечат вас... неоднозначной репутацией, — сообщил чистую правду Дамблдор. В ответ мне оставалось только вздохнуть.

— А когда она была однозначной? Разве что в первые дни в школе. Потом Забини старался, а после — Змей... Во всяком случае, «знакомый инквизитора» — это несколько лучше, чем «наследник Слизерина, насилующий двух наложниц», — Миа прыснула в кулачок, вспомнив прошлогодние слухи.

— Я не уверен в том, что — лучше, — покачал головой Дамблдор. — На первом курсе вам должны были читать лекцию об истории взаимоотношений магов и инквизиции в Среневековье.

— Может, и читали, — пожал плечами я. — Но у профессора Биннса настолько усыпляющий голос...

— А Вы, мисс Грейнджер, что скажете? — Миа постаралась как можно нейтральнее пожать плечами. Лекцию ту она явно помнила, но желанием пересказывать ее мне здесь и сейчас — явно не горела. — Ну что ж, — грозно приподнялся Дамблдор. — Тогда, в качестве наказания за сон на уроке, вы должны будете подготовить мне доклад о действиях инквизиции в отношении магов. Не менее трех футов. — Мы с Миа переглянулись.

— А можно...

— Можно, — твердо кивнул Дамблдор. — Пусть будет один на двоих, но тогда — шесть футов. Все ясно?

— Да, директор Дамблдор, — согласились мы.

— Тогда я вас более не задерживаю.

И мы быстренько вылетели из директорского кабинета. Идеи о том, где нам взять материал для доклада у Миа уже были, и я ее всячески в этом поддерживал.

<http://tl.rulate.ru/book/69518/1850335>